

Историко-культурные истоки космологических представлений балаганских бурят племени булагатов (конец XIX – начало XX в.)

Н. Б. Дашиева*

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Исследована проблема семантики образов и функций небесных божеств с общим названием «Ухан-хат» («Цари вод») как космологических классификаторов, персонифицированных в космологические представления. Установлено, что в иконографии Ухан-хага эти воззрения обусловили происхождение антропоморфных фигур с тремя лучами на голове как богов-громовников с функциями защитников света и жрецов их культа, возводящих свои корни к образу орла, с которым связывают свое происхождение шаманы. Историко-сравнительный и сравнительно-сопоставительный анализ представлений о происхождении Ухан-хата в мифологии и иконографии балаганских булагатов выявляет их семантическую связь с мотивами космогонии и космологии индоевропейской мифологии и связанных с ней мировоззрений народов скифского культурного круга.

Ключевые слова: космологические представления, космогонические мифы, космография, индоевропейская мифология, скифский культурный круг.

Для цитирования: Дашиева Н. Б. Историко-культурные истоки космологических представлений балаганских бурят племени булагатов (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 57–66. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.57>

Historical and Cultural Origins of Cosmological Representations of the Balagan Buryats of the Bulagat Tribe (Late 19th – Early 20th Century)

N. B. Dashieva*

East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia

Abstract. Cosmological representations associated with cosmogonic plots belong to the little-studied problems of the traditional culture of the Buryats. The purpose of this article is to identify the historical and cultural origins of cosmological representations of the Balagan Buryats of the Bulagat tribe, personified in the images of celestial deities with the common name “Kings of Waters” (Bur. Ukhan-khat). The relevance of the study is because the images of these deities in the plots of cosmogonic myths and shamanic iconography of the Balagan Bulagats differ from the traditions of all other Buryats groups of the Baikal region. The methods of comparative analysis of the specifics of their cult in the local traditions of the Buryats used in the study, historical and comparative analysis of their leading elements in the language, mythology, folklore, cosmography, and calendar of the Indo-European and historical Indo-Iranian peoples of Eurasia presented their images as a personification of cosmological classifiers. Thus, the images of anthropomorphic figures with three rays on their heads in the iconography of the Kings of the Waters at the Balagan Bulagats go back to the images of Indo-European and Indo-Iranian thunder gods with the functions of defenders of light and servants of their cult, who performed their rituals through singing and dancing. The Buryats' ideas about the origin of the shaman from the eagle and his ability to “travel” in different worlds go back to their images. The views of the Balagan Bulagats about a three-part vertical picture of the world have commonality with Hindu cosmography with the idea of the Polar Star as the top of the sky and the beginning of the process of creation of time in the evening, spatially correlated with the direction “northwest”. The name of the head of the heavenly gods with the functions of the creators of the “Kings of waters” reveals a lexical and semantic commonality with the Scythian term ‘Ud’, reflecting the concept of the soul as a substance bestowed by heaven, which, after the death of a person, separates from the form-body and ascends to heaven again. The study revealed the historical and cultural origins of the cosmological representations of the Balagan Buryats of the Bulagat tribe in the motifs of Indo-European mythology and related worldviews of the peoples of the Scythian cultural circle.

Keywords: cosmological representations, cosmogonic myths, cosmography, Indo-European mythology, Scythian cultural circle.

For citation: Dashieva N. B. Historical and Cultural Origins of Cosmological Representations of the Balagan Buryats of the Bulagat Tribe (Late 19th – Early 20th Century). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* 2022, Vol. 40, pp. 57–66. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.57> (in Russ.)

---

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Введение

В исследованиях традиционной культуры одно из ведущих мест занимает проблема космологических представлений и космогонических сюжетов. Данное положение обусловлено тем, что «сфера космологического и космогонического для мифопоэтического сознания... отождествляет... природу (макрокосм) и человека (микрокосм). <...> Сфера социального, структура и механизм деятельности человеческого общества (“мезокосма”) также определяются с точки зрения мифопоэтического сознания в большей степени космологическими принципами и аналогиями, которые являются фактически внутренними характеристиками социума...» [Топоров, 1992, с. 6].

В нашей работе актуальность обращения к данной теме обусловлена тем, что в шаманских воззрениях балаганских булагатов, как и всех бурят Предбайкалья, исследуемого периода с дуальным разделением пантеона на западных светлых добродетельных и противостоящих им восточных зловредных божеств (*тэнгри*) и их сыновей (*хатов*), присутствует группа божеств, выступающая под общим именем «Цари вод» – бур. *Ухан-хат* (далее – диалектное западнобурятское *Ухан-хат*), которая входит в сонм первых. Вместе с тем у разных территориальных групп булагатов отношение к ним было не одинаково. Как пишет М. Н. Хангалов, «западный хат с Ухан-хатом пользуются предпочтительным обожанием» у булагатов левобережья Ангары – балаганских; у кудинских булагатов и ольхонских бурят-эхиритов «видную роль играет восточный хат» [Хангалов, 1958, с. 305]. Он же первым обратил внимание на отличия выполненной на ткани иконографии – *зурактан онгона* (бур. *зурактан* – «рисованные» и *онгон* – «вместилище духа») у балаганцев от традиций других групп бурят. Это расположение антропоморфных фигур в два ряда; присутствие на головах фигур трех лучей в виде рогов; изображение туловища в виде треугольника или удлинненным четырехугольником, а не линией; кроме изображений людей и фигур двугорбого верблюда, пчелы, змеи и лошади появление образов быка, лягушки, рыбы и жука [Там же, с. 343–344]. Все отмеченные особенности балаганского онгона автор видит на петроглифах байкальских бухт Саган-Заба и Ая в изображениях антропоморфных фигур, которые кудинские булагаты, ольхонские и приленские эхириты и хоринцы называют «сайтинскими богами» (*сайтани бурхад*), совершая в их честь обряды сезонных жертвоприношений [Там же, с. 344–345]. Сожалея по поводу отсутствия к изображениям на байкальских скалах объяснительного текста, какой существует в текстах шаманских призываний божеств Ухан-хата у балаганских бурят, М. Н. Хангалов выражает уверенность, что «тогда, несомненно, установилось бы между ними тождество» [Там же, с. 344].

А. П. Окладников в работе, посвященной изучению петроглифов бухт северного берега Байкала, в изображениях антропоморфных фигур с короткими двумя рожками-лучами на голове и треугольными туловищами в «характерных для танцев Востока» позах (с подчеркнута показанными ладонями и пальцами рук, ромбообразно согнутыми в коленях ногами с вывернутыми наружу ступнями) видит шаманский танец. Причину же связи, проявляющейся между шаманским фольклором бурят и наскальными рисунками, объясняет наличием определенной преемственности между древним и современным населением Прибайкалья. Показанный в руках одной из таких фигур предмет, напоминающий секиру

или боевой топор-кельт, позволил исследователю датировать эти изображения эпохой бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.).

К более позднему этапу развития петроглифов в бухте Саган-Заба А. П. Окладников относит антропоморфные фигуры, «явно» повторяющие древние, но примитивнее их. Исходя из изображения оленя, сходного с оленями на бронзе тагарской культуры и «отчасти с фигурами благородных оленей на оленьих камнях Забайкалья», выполненными в характерном для скифо-сибирского искусства зверином стиле, эту группу рисунков он датирует серединой I тыс. до н. э. [Окладников, 1974, с. 25–30, 71–72, 74–75, 77].

В работе С. В. Иванова отмечается общность рисунков и их расположений на онгонах ухан-хатов у балаганских бурят с близкими к ним по сюжетам изображениями на хакасских бубнах. Автор исследования пишет: «Возможно, что в данном случае перед нами не случайное сходство, а результат выражения одних и тех же религиозных представлений» [Иванов, 1957, с. 111–112].

Цель нашей статьи – выявление историко-культурных истоков космологических представлений бурят племени булагатов, персонифицированных в образах небесных божеств с общим названием «Ухан-хат» («Цари вод»).

Источники и методы

Источниками исследования выступают историко-этнографические материалы, опубликованные в работах этнологов, археологов, фольклористов и лингвистов. Основным источником явились материалы шаманской мифологии и иконографии балаганских и кудинских булагатов, содержащиеся в опубликованной работе выдающегося собирателя фольклора и этнографии бурят конца XIX – начала XX в. М. Н. Хангалова [1958].

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в бурятоведении материалы шаманской мифологии и иконография балаганских булагатов о божествах Ухан-хата интерпретируются как комплекс космологических представлений, обусловленный сюжетами о космогонии и календаре, восходящий к исторической скифо-сибирской культурной общности региона Центральной Азии и Южной Сибири эпохи бронзы.

Результаты исследования могут представлять интерес для выявления историко-культурных истоков важнейших составляющих мифологического мировоззрения, связанных с процессами этнической и культурной истории как отдельных территориальных групп племени булагатов, так и других родоплеменных образований в составе бурятского этноса и ряда тюрко-монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, в шаманской мифологии и иконографии которых существуют аналогичные сюжеты и образы.

В качестве методологической базы исследования выступают сравнительно-сопоставительный анализ специфики культа Ухан-хата в локальных традициях бурят Прибайкалья, а также историко-сравнительный и сравнительно-сопоставительный анализ их ведущих элементов в языке, мифологии, фольклоре, космографии и календарных традициях индоевропейских и индоиранских народов Евразии.

Визуальные образы балаганского онгона Ухан-хата

С. В. Иванов, со ссылкой на опись коллекций МАЭ и ГМЭ, а также опубликованные материалы Н. Н. Агапитова и М. Н. Хангалова, приводит следующие размеры онгона – 14×17, 33×34, 35×46 см. Цвет ткани темно-синий или двойной – белый и синий. Белая ткань символизировала верхнюю часть – небо, а синяя – нижнюю – землю или воду. Рисунки наносились красной краской. Под ногами хатов одна или три горы в виде волнистой линии. На центральной горе – дерево, на вершине его большая птица. Иногда вместо одного рисуется три дерева. Под линией гор – озеро, своей вытянутой формой напоминающее Байкал, и пруд более круглой формы. В озере плавают рыбы, в пруде – лягушка, изображаются змея и ящерица.

Горы, озеро и пруд представлены не на всех онгонах Ухан-хата [Иванов, 1957, с. 111–112].

В иконографии божеств Ухан-хата, исполненной на куске ткани красной краской, в верхней части дугообразная черта означала мир небесный, иногда под чертой изображалось облако. По краям рисовались в виде кружков солнце с девятью расходящимися лучами и луна – с восемью лучами. Владыки воды рисуются в верхней части онгона непосредственно под линией неба, в виде девяти антропоморфных фигур с тремя лучами на голове, расположенных в два ряда – шесть вверху и три ниже, справа от них в два ряда нарисованы пчела и змея, а под ними – лошадь и верблюд. На других балаганских онгонах кроме двугорбого верблюда, пчелы, змеи и лошади рисуются бык, лягушка, рыба и жук (тархалжин) [Хангалов, 1958, с. 343].

Семантика образов и функций божеств Ухан-хата в шаманском пантеоне и картине мира балаганских булагатов

Прежде чем приступить к выявлению семантики образов и функций Ухан-хата в мифологии и иконографии балаганских булагатов, необходимо указать, что у булагатов левобережья Ангары – балаганских, нукутских и унгинских – сонм западных светлых богов возглавлял иранский по истокам Хан-Тюрмас-тэнгэри (Хормуста-тэнгэри), который у кудинских булагатов воспринимался как чужое черное восточное божество. Во главе западных божеств кудинских булагатов стоял древнемонгольский Заяан-Сагаан-тэнгэри [Хангалов, 1958, с. 404, 412]. В материалах М. Н. Хангалова имеется несколько взаимодополняющих друг друга сведений об образах, функциях и происхождении божеств Ухан-хата у балаганских бурят. Согласно одному из них «первое место между божествами Ухан-хата принадлежит Ухан-лобсону и его жене Ухан-дабан, покровителям морей, рек и озер, разделяющим с другими лицами Ухан-хата господство над водной стихией...» [Там же, с. 312]. В другом месте сообщается: «Самый старший заян в Ухан-хате это Гэрэл-нойон», он вместе с женой Туя-хатун и двумя сыновьями, старший из которых Уха-Лобсон, жена его Ухан-Дабан-хатун, младший Далай-Лобсон с женой Дабан-Саган-хатун спустились с неба на гору Сэмбэр-ула и оттуда на дно морское [Там же, с. 426]. Однако связь их с небом не утратилась.

Согласно сюжету балаганского мифа функциями творцов Ухан-хата наделены парные божества со статусом прародителей, представляющие собой персонализированные образы зеркального блеска водной поверхности, отражающей

солнечные лучи. Их имена *Гэрэл-нойн* («Свет-господин») и *Туя-хатун* («Луч-госпожа») [Хангалов, 1958, с. 313, 314].

Персонификацию больших вод с высокими волнами можно видеть в именах их сыновей с супругами – «Водяной Лопсон» с женой «Водный перевал/возвышенность» и «Море-Лобсон» с женой «Водный перевал/возвышенность».

Наибольшей информативностью для понимания семантики образов, функций и историко-культурных истоков Ухан-хата в мифологическом мировоззрении балаганцев обладает описание маршрута их спуска и подъема на небо. «Со стороны заходящего солнца спустились на землю на гору Сэмбэр-ула по мостам из красных и синих лучей, а с горы спустились до самого дна моря, держась на крыльях орла цвета синей воды <...> здесь обратились в кита с 13 плавниками <...> после своей прогулки по дну и по поверхности моря вошли в юрту, для них назначенную или принадлежавшую Ухан-лобсону; в это время их было только 9 лиц... но когда они из юрты вышли через отверстие для дыма, то их стало втрое более, т. е. 27» [Там же, с. 312–313].

Маршрут спуска царей вод с неба на землю отражает трехчастную по вертикали индоевропейскую картину мира, в которой небо – семантический «верх», «центр» – мировая гора, а море – семантический «низ». Цветовая семантика лучей – моста соотносится с образами неба (синий) и солнца (красный).

Относительно фигур людей М. Н. Хангалов сообщает, что они «изображают представителей каких-то племен, способных превращаться в верблюда, змею, пчелу, рыбу и лягушку» [Там же, с. 345], а также племен, которые называются «500 тархалжинов» и «300 большужишинов» [Там же, с. 345–346].

В шаманской космографии булагатов семантический «верх» – сторона захода солнца кодируется образом громовника Хухыдой-мэргэна с женой Хылтохатун и сыном Хурсай-хобун [Там же, с. 293], и в этом проявляется ее связь с системой календаря, основанного на сезонных ритмах восходов и заходов ярчайшей звезды небосвода Сириуса и созвездия Орион [Дашиева, 2015, с. 147–155].

В варианте мифа балаганских булагатов громовник Хухыдэй-мэргэн выступает под именем Хохоосай-мэргэн – сын Хухэ-Мунхэ-тэнгэри, который, спустившись в нижний мир, становится звездой, а три его собаки – тремя маралами. Сопровождающий его сын Удай-Монгон-тэнгэри по имени Ялаадай Мэргэн («сверкающий стрелок») тоже становится звездой [Тушемилов, 1995, с. 23–24]. Иная характеристика героя дана у кудинских булагатов. Здесь Хоходо-мэргэн – земной человек, хороший охотник и меткий стрелок, за это он живым был взят на небо и стал помощником громовника Сарь-саган-тэнгэри Сахилгата будал. В кудинском мифе имя его жены – Холто-хатун, а сына – Хорсо-мэргэн [Хангалов, 1958, с. 300].

Имя героя широко известного у бурят, монголов, алтайцев и тувинцев сюжета этиологического мифа о происхождении созвездия Орион и Сириусе – небесного стрелка [Неклюдов, 1992, с. 609; Манжигеев, 1978, с. 17, 92; Бутанаев, 1996, с. 203] – образовано от общего тюрко-монгольского эпитета неба «синий/голубой» – *хох/хухэ/кок/ког* и элемента *дой/дай/тей/тай*, который в древнем обществе указывал на предковость со стороны женской/материнской родословной [Дыренкова, 1937, с. 20–21; Севортян, 1974, с. 128; Балдаев, 1959, с. 9].

В структуре теонима «Хурсай/Хорсо» иранский термин *хор/хур* со значением «солнце» и элемент *сай* возводят сюжет этиологического мифа тюрко-

монгольских народов к эпохе кочевых ираноязычных народов Центральной Азии со скифоидным типом культуры. В широко известном скифском мифе о космогонии, повествующем об упавших с неба трех горящих золотых предметах, лингвистическую и семантическую параллель с «Хурсай» представляет имя сына первого человека Таргитая – Колаксай. В значении части *кола* («солнце») и элемента *ксай* (*ksaj*) («царь, владыка» / «сияние» в иранских языках) [Чочиев, 2001 с. 29] его образ выступает как маркер неба – семантического «верха» трехчастной по вертикали картины мира.

По сюжету скифского мифа, известного в изложении Геродота, Таргитай был рожден от брака громовника Зевса и дочери Борисфена (Днепра). По другим версиям, его отцом выступает бог неба громовник Папай, а имя его матери Апи, имеющей змеевидный облик, возводится к иранскому корню со значением «вода» [Раевский, 1992, с. 446–448].

В иконографии Ухан-хата с образом Таргитая, сочетающим в себе небесный огонь и стихию воды, соотносятся антропоморфные фигуры с тремя лучами на голове с племенным названием «тархалжин». Параллель с их этнонимом и лучезарностью составляют теонимы богов-громовников скандинавской и кельтской мифологии Тор и Таранис. В древней культурной истории Евразии Тархунт (*Tarhunt*) («могущественный») – один из образов бога-громовника Пирвы [Иванов, 1992, с. 313]. Имя-титул родственного с ним древнерусского бога-громовника Перуна означает «оберегающий свет» [Чочиев, 2001, с. 61].

Единый исток с мифологией индоиранских народов обнаруживает и образ супруги небесного стрелка Хылто/Холто-хатун, представляющей собой одну из трех звезд пояса Ориона. В протоиндийском календаре с разделением года на шесть частей (сезонов) в символике одной части имеется образ вождя-лучника, а в наборе знаков-символов завершающей части года находится и знак созвездия Орион [Альбедиль, 1993, с. 80, 83, 88]. Следовательно, и мифологический сюжет тюрко-монгольских народов о небесном стрелке на пограничье дня и ночи, поразившем живот одной из трех небесных маралух, в результате чего рождается солнце, представляет собой календарный миф, исторически имевший распространение у индоиранских народов.

В годовом цикле обряды, соотнесенные с днями сезонного восхода Сириуса (небесного стрелка), знаменовали начало нового цикла «творения» солнца и совершенного мира. Эта дата близко расположена к дням летнего солнцестояния, во время которых буряты и тюрко-монгольские народы устраивали летние праздники со стрельбой из лука. Название праздника у бурят Сур-харбан («стрельба в сур») отражает воззрения о спирально развивающемся времени и циклично возвращающемся солнце [Дашиева, 2012, с. 170], которое в древнеиндийской мифологии обозначается лексемой «сурья» [Топоров, 1992, с. 477].

Начало периода кульминации звезды в декабре, близко совпадающее с днями зимнего солнцестояния, и его завершение в марте, приближенное к весеннему равноденствию, ассоциировались с образом «второй» и «третьей стрелы», вызволившей из чрева матери-марала солнце-дитя [Дашиева, 2015, с. 155].

Диалектное западнобурятское «болжушин» восходит к бурятскому названию шамана *боо* и дословно означает «шаманящие», отправляющие свои обряды посредством пения и пляски. В словаре бурятского языка ему соответствует *боо-лоошэн* со значением: 1) певцы, 2) уст. паломники [Черемисов, 1951, с. 118]. Что касается представлений о способностях «болжушинов» превращаться в различных животных, змей, пчел и т. д., присутствующих на онгоне Ухан-хата, то, по

поверьям бурят, они служат шаману ездовыми животными. Так, в тексте призывания Ухан-хата у нукутских булагатов на посвященном им сезонном празднике (*тайлган*) шаман от имени вселившегося в него божества возвещает:

Для перелета через горы у меня
Жеребец водно-синей масти,
Для пересечения моря – рыба-великан
с тринадцатью плавниками,
Для странствия по земле
Черно-пестрая пчела
[Тушемилов, 1995, с. 15] (пер. Н. Б. Дашиевой).

В сюжете балаганского мифа в образе Ялаадай-мэргэна («сияющий стрелок») выступает Полярная звезда. В индуистской космографии под Полярной звездой в окружении мирового океана находится мировая гора Меру, расположенная в центре мира, и «звезды вращаются у ее подножия», а «солнце обходит Меру при восходе и закате» [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 40–41]. В мифологии ряда алтайских народов к ее образу и названию восходит мировая гора Сумер/Сумур/Сумбур, касающаяся своей вершиной Полярной звезды [Топоров, 1991, с. 311]. В булагатском мифе божества Ухан-хата спускаются с вершины Сэмбэр ула.

В мифе балаганских булагатов, как и в индуистской мифологии, в ритме движения солнца вокруг мировой горы – центра мира – переданы представления о вечере как начале периода его творения и утре – периоде его рождения.

Параллель с индуистской картиной мира в мифологическом мировоззрении балаганских булагатов можно видеть в пространственной локализации места происхождения Ухан-хата – «дна северо-западной стороны», соотнесенного с местом захода солнца [Хангалов, 1958, с. 426]. Здесь понятие «дно» передает представление о высшем уровне купола многослойного небесного свода, отражающего иерархию небесных богов. Согласно материалам М. Н. Хангалова, у балаганских булагатов «в призывании Ухан-хата упоминается о двенадцати небесных богах-тэнгэриных, от которых произошли цари Ухан-хата, или двенадцать неб или столько же свойств реального неба». Перечисление их имен начинается от Уда-Монхон-Тэнгэри с объяснением: «Удан – медленный, Монхон – вечный», за ним следует Хуман-хохо-тэнгэри (от *хуман* – «наконечник стрелы», *хохо* – «синий»). Далее призываются Шудал-тэнгэри, Будал-тэнгэри и Долон-хохо-тэнгэри («семь синих неб») и Хохо-монхон-тэнгэри («вечно синее небо») [Там же, с. 311–312].

В этимологии теонима «Уда-Монхон-тэнгэри» возможна и другая, чем у автора, интерпретация. Согласно сюжету этногонического мифа племени булагатов, их тотемный прародитель Буха-нойон («Господин бык») с целью получения от бога человеческой природы поднимается на небо и по завершении своего воляжа среди звезд возвещает:

<i>Баруулама</i>	От Западного
<i>Удай Монгон тэньерхээ,</i>	Удай Вечного неба,
<i>Удха татажа буулайб.</i>	Наследственность притянув, спустился

[Тушемилов, 1995, с. 24] (пер. Н. Б. Дашиевой).

Согласно тексту, семантическая функция «Удай-Монгон-тэнгэри» соотносится со значением бурятского термина *удха* (душа, наследственно переходящая от поколения к поколению). В данном контексте теоним *Удай* обнаруживает лексическую и семантическую общность с термином *Ud* со значением «душа, которая, по представлениям народов скифского культурного круга, после смерти человека отделяется от формы-тела, дарованного матерью-землей, и восходит на небо к Солнцу, на Луну и Звезды» [Чочиев, 2001, с. 36, 37].

Теоним «шудал» исходит из описания звукоподражания пронзительному крику (бур. *шууд*), сопровождающему удар молнии, который персонифицирован в образ Будал-тэнгэри. Персонификацией молнии, воспринимавшейся как стрела громовника, является теоним «Хуман-хохо тэнгри» («стрела синее тэнгри»).

В балаганском сюжете медиативные функции между вершиной горы и дном моря – семантическим «верхом» и «низом» – выполняет орел, и в этом проявляются историко-культурные истоки воззрений бурят об орле как первом шамане. Буряты полагали, что в процессе камлания шамана орлиные перья в головном уборе и крылья в ритуальном костюме способствовали осуществлению его переходов из одного мира в другой.

Образ орла с функциями жреца культа богов-громовников в шаманских представлениях бурят восходит к исторической скифо-сибирской культурной общности. По мифу кудинских булагатов, орел – первый бурятский шаман – родился от Сам-Сагай-саган – дочери неба Сарь-саган-тэнгэри («сияюще-белый тэнгри») [Хангалов, 1958, с. 300, примеч. 2)]. Имя дочери восточного бога-громовника булагатов правобережья Ангары восходит к эвфемическому обозначению оленя *saka* как «рогатого» (метафорически «ветвистого»), в том числе и в значении тотема восточных иранцев-саков (*saka* – «скиф») [Абаев, 1949, с. 49, 79; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 518–519].

В кудинском мифе Хоходо-мэргэн – помощник восточного бога-громовника Сарь-саган-тэнгэри Сахилгата будал, и это обстоятельство возводит историко-культурные истоки образов божеств Ухан-хата, как и «сайтинских божеств» на петроглифах байкальских бухт, к исторической скифо-сибирской культуре, ярким показателем которой являются изображения оленей с подогнутыми в прыжке ногами и откинутыми назад головами с ветвистыми рогами. Исторически культ оленя, «звериный стиль» и «оленные камни» связаны с кочевыми ираноязычными скотоводческими племенами Западной и Северо-Западной Монголии, Тувы и Алтая эпохи ранней бронзы [Новгородова, 1989, с. 173–174].

Заключение

Исследование семантики образов и функций небесных божеств с общим названием «Ухан-хат» («Цари вод») в пантеоне балаганских булагатов представляет их как космологические классификаторы, персонифицированных в космологические представления. В иконографии Ухан-хата эти воззрения обусловили происхождение антропоморфных фигур с тремя лучами на голове.

Исторически антропоморфные фигуры на онгоне Ухан-хата балаганских булагатов отражают культ индоевропейских по истокам индоиранских богов-громовников и отправляющих свои обряды посредством пения и танца жрецов их культа, возводящих свои корни к образу орла.

Образы животных, рыб и насекомых на онгоне отражают представления о способности шамана вселять в себя божеств, призываемых во время обрядовых действий, и в этом состоянии совершать свои шаманские путешествия по разным мирам бурятской космогонии.

В мифологическом мировоззрении балаганских булагатов отражена общая с индуистской космографией модель мира, в которой Полярная звезда маркирует вершину неба, мировая гора Сэмбэр ула, соотнесенная с горой Меру, в индуистской картине мира маркирует мировую вертикаль, а рыба-кит – мировой океан.

Последовательный историко-сравнительный и сравнительно-сопоставительный анализ представлений о происхождении божеств Ухан-хата в мифологии и иконографии балаганских булагатов выявляет их семантическую связь с мотивами скифской мифологии о космогонии и космологии.

Список литературы

- Абаев В. Н. Осетинский язык и фольклор. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 608 с.
- Альбедиль М. Ф. Протоиндийское «колесо времени» // Календарь в культуре народов мира. М., 1993. С. 70–101.
- Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. 178 с.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М. : Мысль, 1983. 206 с.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1996. 212 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. 1. 1336 с.
- Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники бурят: история и типологии. М. ; Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. 211 с.
- Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генеалогического анализа. М. : Наука – Вост. лит., 2015. 239 с.
- Дыренкова Н. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Советская этнография. 1937. № 4. С. 18–45.
- Иванов Вяч. Вс. Пирва // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 313.
- Иванов С. В. К семантике изображений на старинных бурятских онгонах // Сборник МАЭ. М. ; Л., 1957. Т. 17. С. 95–150.
- Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М. : Наука, 1978. 125 с.
- Неклюдов С. Ю. Хухедей-мерген // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 609.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия. (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М. : Наука, 1989. 383 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. 124 с.
- Раевский Д. С. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 445–450.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука, 1974. 349 с.
- Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 311–315.
- Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 6–9.
- Топоров В. Н. Сурья // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 477–478.
- Тушемилов П. М. Шаманские материалы (1948 г.). Улан-Удэ : Изд-во БАНЦ, 1995. 43 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 549 с.
- Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. Бурят-монгол-оруд словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
- Чочиев А. Р. Феномен MON и субстанция UD в системе Ари-Ас-Аланской философии, веры и мистики. (Религиозные и философские истоки цивилизации). Владикавказ : Иристон, 2001. 96 с.

References

- Abaev V. N. *Osetinskii yazyk i folklor [Ossetian language and folklore]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949, 608 p. (In Russ.)
- Albedil M. F. Protoindiiskoe “koleso vremeni” [Proto-Indian “wheel of time”]. *Kalendar v kulture narodov mira [Calendar in the culture of the peoples of the world]*. Moscow, 1993, pp. 70–101. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Buryatskie svadebnye obryady [Buryat wedding ceremonies]*. Ulan-Ude, Buryat publishing house, 1959, 178 p. (In Russ.)
- Bongard-Levin G. M., Grantovskii E. A. *Ot Skifii do Indii. Drevnie arii: mify i istoriya [From Scythia to India. Ancient Arians: Myths and History]*. Moscow, Mysl Publ., 1983, 206 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kultura i byt khakasov [Traditional culture and life of the Khakas]*. Abakan, Khakas. publishing house, 1996, 212 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. *Buryat-mongolsko-russkii slovar. Buryat-mongol-orod slovar [Buryat-Mongolian-Russian dictionary]*. Moscow, State Publishing House

- of Foreign and National Dictionaries, 1951, 852 p. (In Buryat; in Mongol; in Russ.)
- Chochiev A. R. *Fenomen MON i substantsiya UD v sisteme Ari-As-Alanskoi filosofii, very i mistiki (Religioznye i filozofskie istoki tsivilizatsii) [The phenomenon of MON and the substance of UD in the system of Ari-As-Alanian philosophy, faith and mysticism (Religious and philosophical origins of civilization)]*. Vladikavkaz, Iriston Publ., 2001, 96 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. *Traditsionnye obshchestvennye prazdniki buryat: istoriya i tipologii [Traditional public holidays of the Buryats: history and typologies]*. Moscow, Ulan-Ude, Publishing House-polygrpf. complex FGBOU VPO VSGAKI, 2012, 211 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. *Kalendar v traditsionnoi kulture buryat: opyt istoriko-etnograficheskogo i kulturno-geneticheskogo analiza [Calendar in the traditional culture of the Buryats: the experience of historical-ethnographic and cultural-genetic analysis]*. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2015, 239 p. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. *Perezhitki materinskogo roda u altaiskikh tyurkov [Remnants of the maternal family among the Altai Turks]*. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1937, Is. 4, pp. 18–45. (In Russ.)
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropeskii yazyk i indoevropeitsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokultury [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical and typological analysis of proto-language and proto-culture]*. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1984, Part 1, 1336 p. (In Russ.)
- Ivanov S. V. *K semantike izobrazhenii na starinnykh buryatskikh ongonakh [To the semantics of images on ancient Buryat ongons]*. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Moscow, Leningrad, 1957, Vol. 17, pp. 95–150. (In Russ.)
- Ivanov Vyach. Vs. Pirva [Pirva]. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow, 1992, Vol. 2, pp. 313. (In Russ.)
- Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat. publishing house, 1958, Vol. 1, 549 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy. Opyt ateisticheskoi interpretatsii [Buryat shamanistic and pre-Shamanistic terms. The experience of atheistic interpretation]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 125 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. *Khukhedei-mergen [Khukhedei-mergen]*. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow, 1992, Vol. 2, pp. 609. (In Russ.)
- Novgorodova E. A. *Drevnyaya Mongoliya (Nekotorye problemy khronologii i etnokulturnoi istorii) [Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history)]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 383 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Petroglify Baikala – pamyatniki drevnei kultury narodov Sibiri [Petroglyphs of Baikal – monuments of ancient culture of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, 124 p. (In Russ.)
- Raevskii D. S. *Skifo-sarmatskaya mifologiya [Scythian-Sarmatian mythology]*. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow, 1992, Vol. 2, pp. 445–450. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic bases on vowels]*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 349 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. *Gora [Mountain]*. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow, 1991, Vol. 1, pp. 311–315. (In Russ.)
- Toporov V. N. *Kosmogonicheskie mify [Cosmogonic myths]*. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow, 1992, Vol. 2, pp. 6–9. (In Russ.)
- Toporov V. N. *Suriya [Surya]*. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow, 1992, Vol. 2, pp. 477–478. (In Russ.)
- Tushemilov P. M. *Shamanskie materialy (1948 g.) [Shamanic materials (1948)]*. Ulan-Ude, BANSH Publ., 1995, 43 p. (In Buryat.)

Сведения об авторе

Дашиева Надежда Базаржаповна

доктор исторических наук, профессор, заведующая научно-исследовательской лабораторией истории и теории культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: dashieva-n@yandex.ru

Information about the author

Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Research Laboratory of History and Theory of Culture, East Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation
e-mail: dashieva-n@yandex.ru